

Статья:

Байнев, В.Ф. Экономикс как псевдонаучная научно-образовательная парадигма / В.Ф. Байнев // Новая экономика. – 2012. – №1. – С. 5-16.

ЭКОНОМИКС КАК ПСЕВДОНАУЧНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА

Байнев Валерий Федорович,

профессор кафедры менеджмента Белорусского государственного университета,
доктор экономических наук, профессор (г. Минск, Республика Беларусь)

В статье анализируются недостатки экономического «мейнстрима» – господствующей экономической научно-образовательной парадигмы. Обоснована необходимость возврата системы экономических знаний на трудовую основу, когда целью функционирования экономических систем станет не максимизация прибыли для избранных, а трудосбережение – максимизация нормы свободного времени для общества в целом.

Минуло уже не менее двух десятилетий с того переломного времени, когда умами наших наиболее «продвинутых» интеллектуалов от экономической науки вдруг безраздельно овладели весьма поверхностные и односторонние взгляды в духе экономикс. Двадцать лет – срок немалый, и потому сегодня уже вполне очевидны результаты воплощения в жизнь этого очередного «единственно верного» учения, как водится, имплантированного нам все тем же «просвещенным» Западом. Беспрецедентное для условий мирного времени разрушение научно-технического и промышленного потенциала (деиндустриализация), сырьевые перекосы экономического роста, нарастающее разрушение окружающей среды, стремительная деградация и депопуляция населения, хронический и периодически (1992, 1998, 2008) обостряющийся до предела экономический кризис, позорная колониальная зависимость от глобальной метрополии – вот перечень наших наиболее значимых «завоеваний победившего капитализма».

В конечном счете, приходится констатировать, что вместо обещанного идеологами рыночных реформ прорыва в технотронно-инновационное будущее страны бывшего СССР снова возвращаются в доиндустриальную эпоху. Поскольку исследованию развернувшейся в регионе масштабной деиндустриализации посвящено немало научных публикаций, в том числе принадлежащих автору [3, 4, 5, 22], в данной статье ограничимся лишь упоминанием о некоторых символических актах «протестного голосования» техносферы, созданной в советские времена, против затеянных в регионе рыночных, частнокапиталистических реформ. В их числе – суицид Чернобыльской АЭС, самоликвидация АПЛ «Курск», утопление космической станции МИР, бесконечная череда катастроф с отказывающимися летать самолетами, тонущими судами и обваливающимися домами, протестное самоубийство Саяно-Шушенской ГЭС, категорический отказ лететь к Марсу космического зонда «Фобос-Грунт» и т.д.

Иными словами, воплощение в жизнь «чудодейственных» рецептов экономикс воочию подтвердило их поистине волшебную разрушительную силу. В считанные годы некогда великая сверхдержава, которая на равных соперничала с самими США по ряду направлений науки и техники (космос, мирный атом, ВПК, электроэнергетика и др.), была раздроблена, колонизирована победившим нас в «холодной войне» Западом и превращена в пространство технологической отсталости – источник «бегущих» в развитые страны сырья, капиталов и мозгов.

Любому здравомыслящему, не заинтересованному в дальнейшем разрушении восточнославянской цивилизации экономисту сегодня уже очевидно, что истинная причина навалившихся на нас бед – *ограниченность господствующей экономической научно-образовательной парадигмы и соответствующей ей либерально-рыночной, частнокапиталистической доктрины развития*. Следовательно, для выхода на траекторию устойчивого развития государства бывшего СССР должны решительно сменить базовую доктрину социально-экономического развития и соответствующую ей систему экономических знаний. Последняя в ее нынешнем

убогом «экономиксовом» варианте не только не способствует такому переходу, но и наоборот, отбрасывает нас в позапрошлый век низшего мелкотоварного рыночно-конкурентного капитализма.

Далеко неслучайно на рубеже тысячелетий многие крупные отечественные и даже западные ученые во весь голос заговорили о весьма противоречивой и даже кризисной ситуации, сложившейся в конце прошлого – начале нынешнего столетий в области гуманитарных и, прежде всего, социально-экономических наук. Сегодня многие ведущие белорусские, российские, украинские экономисты заговорили о «проблемной ситуации», «многоуровневом, системном кризисе», «теоретическом тупике», «интеллектуальном заблуждении», «средневековье» и даже «антинаучности» нынешней отечественной экономической науки [2, с. 47; 15, с. 7; 23, с. 7–10; 27, с. 7].

Оснований для столь категоричных выводов более чем достаточно, в их числе:

а) очевидная неспособность современной экономической науки создать предпосылки для преодоления или хотя бы смягчения до предела обострившихся в XXI веке глобальных (сырьевой, энергетической, экологической) проблем, а значит, ее бессилие обеспечить устойчивое развитие цивилизации (подробнее об этом см. [4]);

б) крах либерально-рыночных реформ в большинстве стран бывшего СССР, обеспечивших их беспрецедентную для условий мирного времени деиндустриализацию и превращение в «технологическое захолустье» с прикованным к «сырьевой тачке» и к тому же быстро вымирающим населением [3, 4, 5]. Что касается последнего явления, то масштабы депопуляции – рыномора, разразившегося в России, Украине и Белоруссии по мере их частнокапиталистического «оздоровления», наглядно характеризуют данные табл. 1. Так, беспристрастная статистика свидетельствует, что по мере развертывания и углубления рыночных реформ в 1990-2008 гг. не пожелали жить в грядущем капиталистическом «рае» как минимум 11,5 млн белорусов, россиян и украинцев. Если же учесть положительное сальдо внешней миграции, то потери от постигшего нас рыномора оказываются еще весомее – более 16 млн «убитыми». Мало того, по оптимистичным, однако весьма пугающим прогнозам ООН, численность населения наших стран к 2050 г. должна сократиться в полтора, а к 2100 г. – в два раза. По замыслу глобальных «общечеловеков» это должно высвободить колоссальные ресурсы для их использования ненасытным «золотым миллиардом». С учетом «раненых» – миллионов и миллионов безработных, бомжей, преступников, наркоманов, алкоголиков, детей-беспризорников и т.д. – правомерно вести речь о планомерном рыночном геноциде Великого русского народа – великороссов, малороссов и белорусов.

Таблица 1. Рынокмор восточнославянских республик бывшего СССР в 1990-2008 гг. и прогноз его динамики на период до 2100 г.

Страна	Численность населения, млн чел.						
	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2008 г.	Прирост в 1990-2008 гг.	Прогноз экспертов ООН	
						2050 г.	2100 г.
Беларусь	9,627	10,189	10,005	9,681	-0,508	7,539	5,745
Россия	138,127	147,662	145,559	141,956	-5,706	101,456	79,537
Украина	49,609	51,452	49,246	46,078	-5,374	31,749	24,129
<i>Итого</i>	<i>197,363</i>	<i>209,303</i>	<i>204,810</i>	<i>197,715</i>	<i>-11,588</i>	<i>140,744</i>	<i>109,411</i>

Источники: База данных Отдела статистики ЕЭК ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://w3.unesc.org/pdxweb/Dialog>. – Дата доступа: 02.02.2010 г.; Демографический кризис в регионах СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zlev.ru/61_56.htm. – Дата доступа: 06.03.2010 г.

в) мировой финансово-экономический кризис (2008), окончательно развеявший главный рыночный миф о самодостаточности «невидимой руки» свободного рынка. Нынешний экономический катаклизм наглядно продемонстрировал всему миру пагубность либерально-рыночной доктрины экономического развития, высветил всю эфемерность преимуществ капиталистическо-

го «рая», где уже не хватает места и жизненных средств таким его старожилам как Греция, Португалия и Испания, не говоря уже о странах бывшего СССР.

К сожалению, сегодня наши студенты поголовно учатся экономике непосредственно по западным учебникам типа англо-саксонской *экономики*, а также их отечественным результатам компиляции, которые уверенно заняли все места, освободившиеся в библиотеках после придания анафеме марксизма-ленинизма. Авторы этого нового заморского «единственно верного» учения с типично «славянскими» фамилиями П. Самуэльсон, К. Макконнел, С. Брю и др. при их написании, конечно же, день и ночь только и мечтали о будущем процветании стран бывшего СССР. Можно даже представить себе, как они сутками напролет буквально грезили о том, как по их учебникам выучатся наши специалисты и, построив в России, Украине, Беларуси и т.д. «чудо-творную» либерально-рыночную экономику, выведут свои страны на лидирующие позиции в мировой экономике, сместив с них США, Великобританию, Францию, Италию...

Разумеется, это не так, ибо практика воплощения в жизнь знаний, изложенных в этих «бесценных кладях западной экономической мудрости», убедительно показала их огромную разрушительную силу. И действительно, на месте великой, некогда абсолютно непобедимой сверхдержавы со вторым в мире ВВП, которая первой запустила в космос спутник, луноход, человека и космическую станцию, сегодня осталась горстка ничем не примечательных капиталистических и недокапиталистических стран, быстро превращающихся в сырьевую колонию Запада.

В наши дни уже многим стала очевидной пагубность этой навязанной нам извне либерально-рыночной научно-образовательной экономической парадигмы. Мы убеждены, что уже настала пора перейти к подготовке экономистов, которые вместо зазубренной красивой импортной сказки о волшебной силе «невидимой руки» либерального рынка должны иметь представления о принципах и проблемах функционирования реальной экономики. Экономике, на сегодня глобально монополизированной и всюду управляемой сверхкрупными игроками – мировой финансовой олигархией, о чем нет ни единого слова в *экономике*! Без адекватно воспринимающих действительность специалистов мы никогда не выйдем на траекторию по-настоящему устойчивого развития и навсегда останемся встроенными в мировую экономику в качестве безвозмездных доноров ресурсов для «золотого миллиарда». Вот почему нам надо срочно и всерьез озаботиться проблемами повышения качества подготовки экономистов. Последние должны быть глубоко убеждены в том, что сегодня отнюдь не либеральная, конкурентная, до предела «атомизированная» рыночная экономика, а наоборот, только *высоко интегрированный и при этом активно управляемый «зримой рукой» государства единый народнохозяйственный комплекс может быть глобально конкурентоспособным перед лицом могучих западных суперкорпораций.*

В перечне принципиальных, разрушительных дефектов рыночно-конкурентной научно-образовательной экономической парадигмы, которая ныне, к сожалению, безраздельно господствует на всем постсоветском пространстве, следует назвать следующие недостатки.

Во-первых, и это самое главное, либерально-рыночная доктрина развития, лукаво воспевая преимущества свободной конкуренции, ориентирует национальную экономику на ее «атомизацию», рыночную дезинтеграцию, потерю кооперационного, интеграционного эффекта, превращение в сообщество мелких и мельчайших субъектов хозяйствования. Раздробленная, «атомизированная», конкурентно-рыночная национальная система хозяйствования, где по законам внутреннего рынка все воюют со всеми, принципиально неконкурентоспособна перед лицом мощных западных ТНК и ТНБ, финансовое могущество которых зачастую превосходит ВВП большинства стран мира.

Отнюдь неслучайно сами лидеры мировой экономики, несмотря на активно навязываемые периферийным странам представления о малом и среднем бизнесе как «катализаторе» инноваций и «локомотиве» экономического развития в целом, сделали ставку на крупные и сверхкрупные транснациональные корпорации (ТНК) и банки (ТНБ). Роль же «невероятно эффективного» малого предпринимательства на Западе, наоборот, быстро падает (табл. 2).

Благодаря своим огромным размерам, западные мегакорпорации получают колоссальные конкурентные преимущества перед «экономическим планктоном», в который добровольно превращают страны бывшего СССР свои национальные экономики в результате рыночных реформ

по наущению экономикс, и потому западные гиганты уже сегодня безраздельно господствуют в мировой экономике. Вот почему ведущие экономики мира сплошь и рядом представлены огромными вертикально-интегрированными мегафирмами, которые быстро растут, монополизируют отраслевые, национальные и мировой рынки, колонизируя целые страны и континенты.

Таблица 2. Динамика концентрации капитала и прибыли под контролем корпораций США (1970–2005 гг.)

Год	Всего, %	Размер компании (величина ее капитала)						
		менее 10 млн. долл.	от 10 до 25 млн. долл.	от 25 до 50 млн. долл.	от 50 до 100 млн. долл.	от 100 до 250 млн. долл.	от 250 млн. долл. до 1 млрд. долл.	1 млрд. долл. и выше
<i>Капитал</i>								
1970	100	11,95	3,54	3,48	4,49	8,26	19,45	48,82
1980	100	9,15	3,15	2,52	3,03	5,44	13,00	63,72
1990	100	5,42	2,83	2,13	2,76	4,71	10,93	71,21
2000	100	3,54	1,76	1,49	1,87	3,09	8,03	80,23
2005	100	2,90	1,47	1,20	1,54	2,44	7,24	83,21
<i>Прибыль</i>								
1970	100	9,84	2,84	2,93	3,85	8,10	20,52	51,91
1980	100	8,41	2,42	2,06	2,68	4,90	12,42	67,11
1990	100	7,74	4,69	2,51	2,42	3,20	6,46	72,99
2000	100	6,02	2,48	1,24	1,00	1,27	5,49	82,50
2005	100	4,29	1,59	0,98	0,97	1,99	4,12	86,06

Источник: [9].

Думается, что это на деньги мировой финансовой олигархии – владельцев этих самых ТНК и ТНБ – западные авторы написали и размножили для нас свои «экономические комиксы» (экономиксы) с целью их дальнейшего экспорта в развивающиеся и трансформирующиеся страны, дабы последние, став рыночно-«атомизированными», потеряли глобальную конкурентоспособность и превратились в легкую добычу «китов» мировой экономики. Ничего не поделаешь, таковы безжалостные законы рыночной конкуренции, побуждающие всемерно ослаблять, подчинять и уничтожать конкурентов! А ослабление врага (в рыночной экономике мы все как минимум конкуренты) наиболее эффективно реализуется с помощью веками испытанного принципа «Разделяй и властвуй!».

Во-вторых, либерально-рыночная доктрина развития призывает к наиболее полному изгнанию государства из экономики, которое, согласно теоретическим воззрениям в духе экономикс, только мешает пресловутой «невидимой руке» А. Смита наиболее эффективно распределять и использовать ограниченные ресурсы. Если учесть, что государство является институтом, системно интегрирующим экономику и общество, то становится очевидной дезинтегрирующая, а значит разрушающая, лишаящая национальную экономику глобальной конкурентоспособности, роль навязываемых нам представлений такого рода. Сами же технологически развитые страны, вопреки обращенным к странам бывшего СССР лживым призывам типа «Меньше государства – больше рынка – выше эффективность!», на протяжении многих десятилетий методично наращивают роль государства в экономике (табл. 3). Их руководители прекрасно осознают, что в условиях глобализации, когда конкуренция, выйдя на межгосударственный уровень, также сделалась глобальной, выстоять можно лишь, что называется, «играя в команде» как на уровне национальной экономики, так и в рамках мощных межгосударственных блоков (G7, НАТО, ОЭСР, ЕС и др.).

В-третьих, возобладавшая в умах наших экономистов система экономических знаний является предельно статичной, неспособной объяснить не только динамичный научно-технический прогресс (НТП), но и даже элементарное развитие. Например, крупнейший немецкий ученый Й. Шумпетер, критикуя лежащую в основе современного неоклассического «мейнстрима» и экономикс теорию предельной полезности, неоднократно отмечал, что «она не только статична по

своему характеру, но и применима исключительно к стационарному процессу» [29, с. 52]. А, по словам известного американского экономиста М. Блауга, «неизбывный методологический грех неоклассической теории состоял в том, что она использовала микростатические теоремы, выведенные из «вневременных» моделей, в которых отсутствовали технический прогресс и увеличение доступных ресурсов для предсказания хода событий в реальном мире» [6, с. 650]. Думается, что данный дефект господствующей научно-образовательной экономической парадигмы лежит в основе большинства порожденных техническим прогрессом противоречий развития, именуемых не иначе как глобальными проблемами цивилизации – энергетической, экологической, сырьевой, продовольственной, демографической и т.д.

Таблица 3. Рост государственных расходов в развитых странах мира в период 1870–1996 гг.

Страна	Общие государственные расходы, % ВВП							
	1870	1913	1920	1937	1960	1980	1990	1996
Австралия	18,3	16,5	19,3	14,8	21,2	34,1	34,9	36,6
Австрия	-	-	14,7	20,6	35,7	48,1	38,6	51,7
Бельгия	-	13,8	22,1	21,8	30,3	57,8	54,3	54,3
Великобритания	9,4	12,7	26,2	30,0	32,2	43,0	39,9	41,9
Германия	10,0	14,2	25,0	34,1	32,4	47,9	45,1	49,0
Ирландия	-	-	18,8	25,5	28,0	48,9	41,2	42,0
Испания	-	11,0	8,3	13,2	18,8	32,2	42,0	43,3
Италия	11,9	11,1	22,5	24,5	30,1	42,1	53,4	52,9
Канада	-	-	16,7	25,0	28,6	38,8	46,0	44,7
Нидерланды	9,1	9,0	13,5	19,0	33,7	55,8	54,1	49,9
Новая Зеландия	-	-	24,6	25,3	26,9	38,1	41,3	34,7
Норвегия	5,9	9,3	16,0	11,8	29,9	43,8	54,9	49,2
США	7,3	7,5	12,1	19,7	27,0	31,4	32,8	33,3
Франция	12,6	17,0	27,6	29,0	34,6	46,1	49,8	54,5
Швеция	5,7	10,4	10,9	16,5	31,0	60,1	59,1	64,7
Швейцария	16,5	14,0	17,0	24,1	17,2	32,8	33,5	39,4
Япония	8,8	8,3	14,8	25,4	17,5	32,0	31,3	36,2
<i>В среднем по развитым странам</i>	<i>10,5</i>	<i>11,9</i>	<i>18,2</i>	<i>22,4</i>	<i>27,9</i>	<i>43,1</i>	<i>44,8</i>	<i>45,8</i>

Источник: [17, с. 68].

По большому счету, приходится признать, что лежащая в фундаменте экономики неоклассическая экономическая теория является одной из бессчетных экономических теорий «нулевого роста». Поэтому она бессильна объяснить элементарное производство как процесс получения большего из меньшего, неспособна обосновать экономическое развитие и динамичный НТП. В частности, Й. Шумпетер в своей широко известной работе «Теория экономического развития» указывал, что согласно концепции маржинализма, лежащего в фундаменте возобладавшего во всем мире неоклассического «мейнстрима», «...в граничной точке производства величина издержек приближается к величине предельной полезности продукта. В данной точке имеет место то относительно лучшее состояние, которое принято называть экономическим равновесием... Отсюда следует, что последняя часть общего количества любого продукта производится в условиях, когда уже больше нет превышения получаемого полезного эффекта над издержками... Отсюда вытекает, что при производстве вообще нельзя добиться никакого превышения стоимости продукта над стоимостью издержек. И в этом смысле получается, что производство не создает никаких стоимостей, иными словами, в процессе производства не происходит никакого повышения стоимости» [29, с. 92].

Иными словами, с позиций неоклассической экономической теории производственная деятельность, результат которой в точности равен затратам, в рыночной экономике попросту

«бесполезна». На данный парадокс наряду с Й. Шумпетером в свое время указывали и некоторые другие ученые (например, Л. Вальрас, В. Ельмеев и др.), справедливо отмечая, что предельный анализ не способен объяснить феномен возникновения большего из меньшего. Поэтому маржинализм и базирующаяся на нем неоклассика принципиально статичны, применимы исключительно к стационарному процессу, а значит, не пригодны для исследования такого динамичного явления современности, как НТП [7, с. 189]. Последнее обстоятельство во многом и предопределяет нынешнее обострение порожденных НТП проблем цивилизации, реально угрожающих ее устойчивому развитию.

Кстати говоря, отмеченный дефект в равной мере характерен и для марксистско-ленинской политэкономии с ее трудовой теорией стоимости, которая, как известно, также принципиально ставит знак равенства между результатами труда и его затратами. Думается, что отмеченная неспособность марксизма-ленинизма объяснить возникновение большего из меньшего, а значит теоретически обосновать экономическое развитие и НТП, собственно говоря, и привела к потере темпов роста экономики бывшего СССР, «застою», «перестройке» и, в конечном счете, контрреволюции 1990-х годов.

В-четвертых, неоклассическая экономическая теория принципиально отрицает возможность объективного измерения полезности экономических благ, полагая, что об уровне полезности производимых и реализуемых на рынке товаров и услуг однозначно сигнализируют их рыночные цены и прибыль. Однако по здравому разумению приходится признать, что большинство глобальных проблем развития нашей цивилизации порождено именно НТП, поставленным на службу рыночному капитализму с его единственным критерием эффективности и мерилем социального успеха – максимальной и быстрой прибылью.

И действительно, если перед бизнесменом в условиях *свободного* рынка возникнет альтернатива, во что инвестировать ресурсы – в развитие наркоиндустрии (равно как и торговли алкоголем, табаком, оружием, детьми, женщинами, рабами, человеческими органами и т. д.) или же в экологически чистые технологии, то в полном соответствии с главным рыночным законом максимизации быстрой прибыли предприниматель без колебаний должен вложить деньги, например, в сверхдоходный наркобизнес и при этом непременно пожелает бесплатно (т.е. без какой-либо очистки) сливать отходы данного химического производства прямо в реку.

Приведенный пример наглядно иллюстрирует тот факт, что обожаемый экономикс свободный рыночный механизм зачастую дает принципиально ложные сигналы технологическому развитию, что, на наш взгляд, является главной причиной порожденных НТП глобальных проблем и других кризисных процессов. Другими словами, главный рыночный критерий эффективности – максимальная прибыль – из-за провалов рынка и субъективных факторов восприятия полезности очень часто не справляется с задачей объективного определения общественной полезности реализуемых на рынке благ. Более того, многие безусловно вредные для общества товары (алкоголь, табак, наркотики, оружие и т.п.) обеспечивают максимально высокую прибыль, в то время как действительно полезные для общества блага (например, экологически чистые технологии, «зеленое» электричество и др.) связаны с дополнительными расходами, не столь прибыльны и потому гораздо меньше востребованы рынком.

Развивая тему оценки полезности экономических благ, следует отметить, что до самого последнего времени не существовало методологии и тем более рабочих методик, которые давали бы возможность адекватно оценивать истинную полезность достижений НТП для общества, что во многом обуславливает его уже не раз отмеченную противоречивость. Суть данной проблемы состоит в том, что лежащий в основе экономикс субъективистский подход к исследованию категории полезности не дает оснований не только для ее количественной оценки и измерения, но и для простого соизмерения полезностей как разнородных, так и однородных вещей. И действительно, субъективная оценка полезности даже одного и того же блага существенно варьируется в глазах индивидуума в зависимости от конкретных условий. Ситуация осложняется еще и тем, что полезность – это категория, изменяющаяся не только в пространстве, но и с течением времени. В итоге возникает безвыходная и в чем-то даже парадоксальная ситуация, ибо «...полезность отражает вкусы и предпочтения отдельного субъекта: то, что обладает

большой полезностью для одного человека, не представляет никакой пользы для другого (например, сигареты для курящих и некурящих людей). В результате оказывается, что различные товары нельзя сравнивать по потребительной стоимости (полезности) и выяснить, какой из них дороже или обладает большей пользой» [1, с. 147].

Иными словами, *тракуемая в виде субъективистской категории полезность, как сложная функция совокупности присущих благу свойств, его редкости и индивидуальных предпочтений потребителя, является неизмеримой*. По крайней мере, во всемирно известном словаре Макмиллана однозначно сказано, что хотя *кардинальная полезность* и предполагает возможность ее измерения в количественных единицах, например, в «утилях», однако, очень немногие экономисты считают это измерение реалистичным. А вот по поводу *ординальной полезности*, являющейся краеугольным камнем возоблававшей во всем мире неоклассической теории, вообще сказано, что она неизмерима, ибо разницу между уровнями полезности нельзя выразить количественно [24, с. 71, 368].

Однако адепты неоклассического «мейнстрима» ничуть не переживают по поводу отсутствия теоретико-методологических основ и даже принципиальной невозможности количественной оценки субъективистской полезности, справедливо полагая, что эта задача вполне разрешима *эмпирически*, поскольку с ней, по их мнению, в каждом конкретном случае *блестяще справляется свободный рынок*. И действительно, решение индивидуума по поводу того, приобретать или не приобретать тот или иной товар на рынке, основано исключительно на индивидуальной субъективной оценке предельной полезности этого товара. Коллективная же оценка полезности реализуемого на рынке блага множеством решающих аналогичную задачу индивидуумов воплощается в равновесной цене товара или услуги и, следовательно, именно *свободные рыночные цены выступают в качестве количественной меры полезности благ*. Таким образом, свободный рынок, давая эмпирическую оценку полезности реализуемых на нем благ, позволяет через удовлетворение запросов конкретных индивидуумов отсеивать те товары и услуги, которые в меньшей степени по сравнению с другими благами соответствуют общественным потребностям.

Кстати говоря, марксистско-ленинская политэкономия, одним из столпов которой, как известно, является трудовая теория стоимости, принципиально ставящая знак равенства между результатами труда и его затратами, также является типичной теорией «нулевого роста», о чем уже шла речь выше. Она также, как и ныне возоблававший неоклассический «мейнстрим», объявляет полезность, потребительную стоимость субъективной и потому количественно неизмеримой категорией. В частности, в советской Экономической энциклопедии прямо указывается на невозможность измерения полезности, поскольку «марксистско-ленинская политическая экономия исходит из того, что потребительные стоимости (полезности), в отличие от физических свойств товаров (веса, длины и т. д.) не поддаются количественному измерению и, следовательно, несоизмеримы» [30, с. 386].

На наш взгляд именно эти роковые недостатки марксизма-ленинизма – статичность и субъективизм в восприятии полезности – послужили объективными причинами технико-технологического отставания СССР и его краха. В условиях хорошей разработанности в марксизме категории «стоимость», включая обоснование принципиальной возможности ее объективного количественного измерения, господство стоимостной парадигмы экономической науки привело к тому, что целью социалистического развития сделалась максимизация результатов прошлого труда, характерная и для капитализма.

Иными словами, в СССР социалистические де юре предприятия работали по-капиталистически де-факто, ибо в качестве плановых заданий получали стоимостные, типично капиталистические показатели – максимизацию пресловутого «вала», прибыли и ее производных. В результате погони за «валом» и прибылью в условиях гарантированного сбыта продукции и социалистического ценообразования по принципу «издержки + запланированный процент прибыли» предприятия были заинтересованы в искусственном увеличении стоимости выпускаемой продукции, в то время когда требовалось наращивать ее потребительную стоимость (полезность). В результате экономика соцстран, производя все более и более материало-, энер-

го- и трудоемкую, а значит громоздкую, дорогую и неконкурентоспособную продукцию, сделалась затратной.

Как это уже отмечалось, в капстранах, также как и в СССР, экономисты не умели и до сих пор не умеют рассчитывать полезность производимых благ. Однако в отличие от соцстран капиталистический мир имел в арсенале действенный инструмент ее практического, эмпирического измерения – конкурентный рынок. Потребители, обладая возможностью свободно «голозовать долларом», сами определяли полезность производимых благ, а равновесная цена на тот или иной товар сигнализировала об уровне его потребительных свойств. Наличие этого практически действующего инструмента и обусловило решающее преимущество капитализма в его глобальном противостоянии социализму образца XX века. Забегая вперед, отметим, что сегодня в условиях тотальной монополизации отраслевых и национальных рынков транснациональными корпорациями рыночный механизм эмпирического измерения полезности начал давать сбои. В результате ресурсы расходуются все менее и менее эффективно, а капиталистический мир, также как в свое время и Советский Союз, демонстрирует явный «застой», втягиваясь в хронический, периодически обостряющийся экономический кризис.

Предпринятые в соцстранах попытки компенсировать указанный роковой дефект социализма через «подключение» характерного для капитализма рыночного механизма измерения полезности экономических благ на фоне директивного планирования типично капиталистических показателей закономерно привели к «перестройке» и контрреволюции 1990-х. Иными словами, господство общественной собственности на средства производства – это необходимое, но отнюдь не достаточное условие для перехода к социалистическому способу производства. Необходимо еще и соответствующее управление этой собственностью, нацеленное на максимизацию не прибыли, а потребительной стоимости (полезности) выпускаемой продукции. В связи с этим, думается, что если бы марксистско-ленинская теория предоставляла в распоряжение исследователей методологию количественного определения не только стоимостей, но и потребительных стоимостей экономических благ, итог глобального противостояния социализма и капитализма в XX веке был бы другим. Точно также становится понятным и то, что перспективы обновленного социализма во многом зависят от того, научимся ли мы не эмпирически, а расчетным путем, не обращаясь к услугам «всемогущего» рынка, определять и планировать потребительные стоимости производимых экономических благ.

Важно пояснить, что в последние десятилетия в связи с ростом концентрации капиталов под контролем ТНК и ТНБ, а также нарастанием общемировой тенденции к усилению экономической роли государства (см. ниже) свободные рыночные силы терпят глобальный урон. Соответственно, уменьшается и уникальная способность либерального рынка адекватно оценивать полезность производимых и реализуемых благ. Это означает, что из-за неотвратимой монополизации западными мегакорпорациями отраслевых, национальных и мировой экономик мировой системе капитализма грозит «застой», чреватый ее окончательным кризисом и разрушением по примеру бывшего СССР. Иными словами, неспособность ныне господствующего в экономической науке «мейнстрима» решить проблему теоретической оценки общественной полезности производимых благ по мере сужения сферы действия свободных рыночных сил и осложнения эмпирического решения указанной задачи рыночным механизмом кризисные процессы в мировой экономике будут быстро нарастать.

В-пятых, ныне господствующая в умах экономистов либерально-рыночная научно-образовательная экономическая парадигма в духе экономикс концентрирует внимание исключительно на максимизации прибыли в сфере обмена (на рынке). Тем самым *игнорируется единство процессов расширенного воспроизводства в целом*, представленных не только и даже не столько сферой обмена, но и сектором НИОКР, производством, распределением, потреблением (рис. 1). Как отмечает известный российский ученый В.И. Кушлин, «в преподаваемых курсах *экономикс* совсем нет разделов, освещающих теорию и методологию расширенного воспроизводства. Но сегодня именно в этих областях только и можно найти ключи к решению главной проблемы дня – перехода страны на инновационный путь экономического развития» [14, с. 23].

Более того, подобное игнорирование экономикс других граней единого и на практике неразделимого процесса расширенного воспроизводства фактически переросло в абсолютизацию, обожествление сферы обмена (рынка). К сожалению, приходится признать, что сегодня в рамках экономической теории современные студенты изучают только рынок, в то время как проблемы НТП, производства, распределения, потребления остаются за скобками. И в этом смысле провозглашение рынка в качестве высшего блага и главной цели реформ таит в себе ряд далеко идущих и весьма небезобидных последствий.

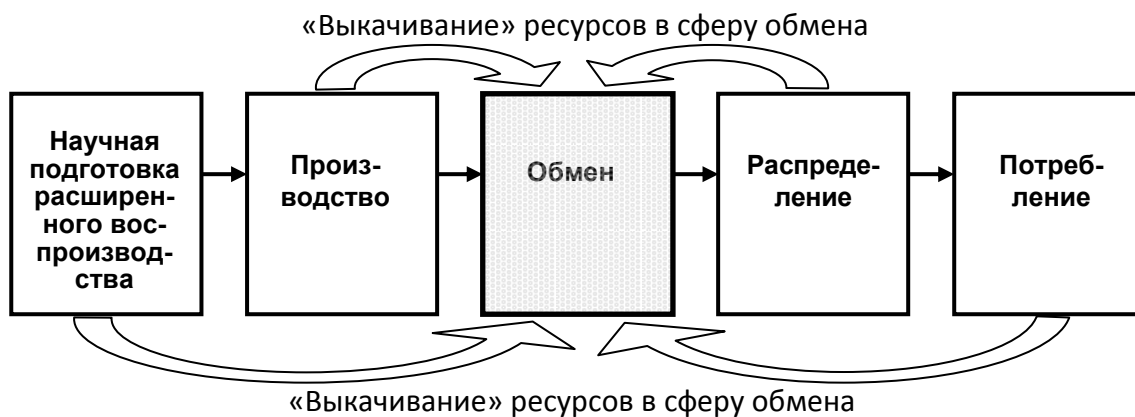

Рис. 1. Фазы современного расширенного воспроизводства

Прежде всего, следует четко уяснить себе, что главный результат любой деятельности в рыночной экономике – прибыль – возникает исключительно в сфере обмена, на рынке, а значит, за воротами предприятия. И в этом смысле получается, что в рыночной системе производственная деятельность, связанная с одними лишь производственными издержками, *не просто бесполезна, но и антиполезна*, ибо эти затраты объективно уменьшают прибыль, чудесным образом возникающую *вне пределов* предприятия, то есть на рынке. Тем самым создается *теоретическая предпосылка для деиндустриализации* национальной экономики на фоне подчеркнутого возвеличивания достоинств сферы обмена и экономики услуг. Вот почему наблюдаемый в постсоветских странах переход к рынку сопровождается катастрофическим принижением значимости и уничтожением созидательного труда, сокращением «бесполезного» производства, масштабной деиндустриализацией экономики на фоне возвеличения таких прибыльных, а значит, полезных и общественно значимых видов деятельности сферы услуг, как посредничество, спекуляция, ростовщичество, биржевая игра и т.п. Сам же человек в частнокапиталистической системе, большинство населения страны низводится до уровня «расходного материала» – рядового фактора производства, приобретаемого на рынках труда во имя приумножения прибыли избранными наряду с другими производственными ресурсами – сырьем, топливом, удобрениями или, положим, рабочим скотом...

С другой стороны, виртуозное умение наших экономистов максимизировать прибыль в сфере обмена, в том числе и прежде всего за счет «выкачивания» ресурсов из прочих стадий расширенного воспроизводства (см. рис. 1), внятно объясняет, почему у предприятий и научных учреждений тотально «вымываются» их оборотные средства в пользу процветающих спекулянтов-посредников и банкиров-ростовщиков. Точно также становится понятно, за счет чего углубляется экономическая дифференциация населения в странах бывшего СССР, а уровень потребления и, соответственно, качество жизни абсолютного большинства людей по мере рыночного «оздоровления» быстро снижаются. Кстати, последнее явление более чем наглядно демонстрирует катастрофическое снижение такого общепризнанного во всем мире интегрального показателя качества жизни, как индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Если Советский Союз в последние годы его существования по ИРЧП занимал 26 место в мире, отстав

от США с их 19 местом лишь на 7 позиций [8, с. 65], то сегодня указанное отставание выросло в 8 (!) раз. И действительно, нынешняя, ставшая рыночной, частнокапиталистической Россия занимает по данному критерию лишь 71 место, в то время как США базируются на 15-м.

Очевидно, что современная экономическая наука должна принимать во внимание не только «чудотворную» сферу обмена и ее интересы, но и чаяния участников других стадий процесса расширенного воспроизводства. В противном случае этот процесс разрывается, нарушается и вместо развития общество переходит к регрессу, деиндустриализации, деградации и депопуляции населения, что и наблюдается ныне в странах бывшего СССР. Таким образом, в основе многих описанных выше проблем лежит теоретическая причина, связанная с принципиальными дефектами и злонамеренным лукавством завезенной к нам из-за океана либерально-рыночной научно-образовательной экономической парадигмы.

В-шестых, следует признать, что именно восторжествовавшее в мировом масштабе учение о чудесах либерального рынка является главной теоретической основой для возникновения так называемого «паразитарного финансизма» и, соответственно, глобальных финансовых кризисов, сотрясающих мировую экономику на протяжении последнего столетия. И действительно повсеместно доминирующая либерально-рыночная, частнокапиталистическая идеология, по большому счету, исследующая чудотворный рынок и ничего более за его пределами, содержит в себе фундаментальную теоретическую предпосылку для отрыва реального, связанного с «низменным» трудом, сектора экономики от сферы обмена, где при посредничестве финансов реализуется главная цель рыночного субъекта – достигается максимизация прибыли. Указанный отрыв усугубляется возможностью искусственного «раздувания» стоимости тех или иных «липовых» активов (например, акций «пустых» компаний) и их последующей продажей на фондовой бирже по кратно завышенной стоимости.

На языке обывателя такой бизнес называется мошенничеством, а вот, с точки зрения экономикс, эти же самые действия именуется предпринимательством. Именно такого рода «предпринимательство» стало причиной мирового финансового кризиса в марте 2000 г., когда в течение нескольких недель обанкротились тысячи старательно «раздутых» по стоимости, а на деле совершенно «пустых» американских сетевых фирм (интернет-компаний). При этом миллионы акционеров всего мира, вложившие свои сбережения в акции этих «дутых» фирм, в итоге остались с макулатурой на руках – акциями фирм-банкротов. Нечто подобное приключилось и в августе 2008 г., когда по всему миру началось массовое банкротство компаний, тем или иным образом имеющих отношение к недвижимости, стоимость которой также искусственно «раздувалась» на протяжении нескольких предыдущих лет. После того как «ипотечный пузырь», накачанный банковскими кредитами, с шумом лопнул, многие рядовые участники этой глобальной аферы – люди и предприятия – остались глубокими должниками (рабами) перед паразитарной банковской системой.

К сожалению, приходится признать, что нынешняя либерально-рыночная научно-образовательная парадигма есть теоретическая предпосылка не просто для деиндустриализации, но и для «виртуализации» мировой экономики, что обеспечивает возможности для проворачивания всевозможных масштабных рыночных афер и глобального финансового мошенничества. Именно эта парадигма сделала рукотворные мировые финансовые кризисы обычным явлением, случающимся с периодичностью примерно один раз в семь-восемь лет.

Кстати говоря, очередной мировой финансовый кризис обязательно будет и разразится он после 2015 г. в результате массового краха предприятий, работающих в сфере жилищно-коммунального хозяйства, экологической деятельности или нанотехнологий. Его результатом, как это бывало уже не раз, станет наглое ограбление ведущими капиталистическими державами остального мира путем массированного сбыта продукции своих печатных станков (всевозможных «ценных» бумаг) в обмен на природные ресурсы и результаты труда населения периферийных стран.

В-седьмых, принципиальная статичность ныне господствующей системы экономических знаний, игнорирование ею проблематики расширенного воспроизводства, создание условий для деиндустриализации и глобального мошенничества позволили целому ряду ученых, включая

западных экономистов, не без оснований вести речь о «романтизме», роковой оторванности от практики доминирующей системы экономических знаний. Например, уже упоминавшийся М. Блауг, критикуя математический формализм экономикс, писал, что благодаря ей «мы превратили экономику в своеобразную разновидность социальной математики, которая использует понятия «цена», «рынок», «товар». Она выглядит как экономика... в которой все взаимосвязи математические, все выводы получены математически, и нет ни единой мысли о том, а имеют ли эти математические переменные, концепции, функциональные связи какое-либо отношение к реальному миру» (цит. по [26, с. 117]).

Во многом солидарен с данной точкой зрения и другой крупный западный экономист Ф. Хайек. Он прямо указал на то, что господствующий сегодня в экономической теории неоклассический подход окончательно «превратил экономику в разновидность чистой логики, набор самодостаточных предпосылок, которые, подобно математике или геометрии, не подлежат никакой иной проверке, кроме проверки на внутреннюю непротиворечивость» (цит. по [26, с. 118]).

Лауреат Нобелевской премии в области экономики 1991 г. Р. Коуз, характеризуя «романтическую» оторванность от практики современного неоклассического «мейнстрима», писал: «Еще одна черта современной экономической теории способствовала столь пренебрежительно-му отношению к другим аспектам системы: растущая абстрактность анализа, которая, похоже, не требует детализированного знания реальной экономической системы, или, по крайней мере, позволяет обойтись без такого знания... Исследуемая система существует не на земле, а в умах экономистов. Я назвал такой результат «экономической теорией классной доски», где термины «фирма» и «рынок» фигурируют, но без какого-либо содержательного направления» [13, с. 342].

В 1983 г. в Нью-Йорке вышел в свет целый сборник научных трудов ведущих экономистов США под интригующим названием «Почему «экономикс» еще не является наукой?» [15, с. 11], в котором В. Леонтьев, П. Уайлз, А. Айхнер, Р. Эрл и др. активно критикуют абстрактность, отсутствие связи с реальностью, политизированность и идеологизированность экономикс. Дж. Сорос своей изумившей общественность книгой «Кризис мирового капитализма» серьезно подорвал и без того пошатнувшееся в конце XX века доверие к «безгрешной» рыночно-капиталистической системе, введя в широкий научный оборот термин «рыночный фундаментализм». Дж. Стиглиц стал нобелевским лауреатом, доказав, что считавшиеся до недавнего времени всемогущими «рынки при наличии асимметричной информации и других информационных несовершенств являются далеко неэффективными» [25, с. 378]. И наконец, исчерпывающую характеристику господствующей ныне повсеместно научно-образовательной экономической парадигме дал американский экономист Л. Мизес, заявив следующее: «То, что сегодня преподается в большинстве университетов под маркой экономической теории на деле является ее отрицанием» [18, с. 221].

К счастью, осознание «романтизма» неоклассической экономической теории и основанной на нем экономикс постепенно приходит и к ученым в странах бывшего СССР. Сегодня уже многим российским, белорусским, украинским и т.д. экономистам очевидно, что данный образчик экономического знания, метко названный «примитивной шпаргалкой» (В. Леонтьев), «выкидышем экономической теории» (В. Ельмеев), представляет собой вовсе не науку или образовательную дисциплину, а *идеологию интернациональной олигархии*, нацеленную на неокOLONИЗАЦИЮ всего мира [12, с. 23]. В частности, по мнению некоторых известных российских ученых, в результате революционной смены в конце прошлого века экономической научно-образовательной парадигмы контраст между экономической теорией и практикой оказался куда более разительным, чем в советскую эпоху. В результате этого «...даже либерально мыслящие экономисты заговорили о формировании новой идеологической школы, ...ничуть не более близкой к реальной жизни, чем старая советская политэкономия» [19, с. 97].

Авторитетный белорусский политэконом П. Лемешенко (Белорусский государственный университет) также убежден, что хотя вследствие массивной имплантации в отечественное экономическое образование западной экономической мысли «преподавание в некотором смыс-

ле облегчалось вследствие стройности и вековой отработанности инструментария экономикс, все же оторванность теории от жизни еще более углублялась по сравнению с прошлым» [16, с. 28]. Об ограниченности и уязвимости неоклассики, установившей подобно прежде безраздельно господствовавшему марксизму «очередную монополию на содержание экономических дисциплин», повествуется в работах другого белорусского исследователя А. Черновалова (Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина) [27, с. 7–8, 13–15; 28, с. 7]. Еще один крупный белорусский ученый С. Пелих (Академия управления при Президенте Республики Беларусь) на протяжении многих лет настойчиво указывает на то, что экономикс, «оккупировавшая» все библиотечные полки после списания в макулатуру сочинений классиков марксизма-ленинизма, безнадежно устарела. Она давно уже не соответствует нынешним реалиям и потому сегодня, к сожалению, весьма успешно используется просвещенным Западом для нашего «одурачивания» и закабаления [20, с. 27; 21, с. 362].

Изложенное означает, что для выхода России, Украины, Белоруссии и других стран бывшего СССР на траекторию бескризисного, действительно устойчивого развития необходимо решительно оказаться от индивидуалистских, дезинтегрирующих экономику и социум «общечеловеческих» ценностей, навязанных нам Западом, стремящимся любой ценой удержать мировое господство. Далекое не в последнюю очередь сказанное относится и к буквально насаждаемой нам извне либерально-рыночной, частнокапиталистической доктрине развития. Последняя до предела «атомизирует» национальную экономику, унижает производительный труд и тем самым легитимирует, провоцирует разрушение реального сектора экономики, ведет страны бывшего СССР к деиндустриализации, лишая их глобальной конкурентоспособности и подготавливая к внешнему управлению – колонизации.

Мы убеждены, что в качестве новой экономической парадигмы развития должна быть принята такая система знаний, которая, прежде всего, вновь возведет на пьедестал чести человека труда, низвергнув оттуда ныне уверенно обосновавшихся там отвратительных рыночных менял – торгаша-спекулянта, игрока-биржевика и банкира-ростовщика. По справедливому мнению К. Маркса, общество никак не сможет прийти в равновесие, пока оно не начнет вращаться вокруг «солнца труда». Только выстраивание экономической науки на трудовой основе может создать реальные предпосылки перехода от либерально-рыночного разрушения экономики и деиндустриализации народного хозяйства к их державному возрождению и по-настоящему устойчивому, инновационному развитию.

Очевидно, что новая система научных экономических знаний должна объявить *целевым критерием хозяйствования не норму прибыли для избранных, а норму свободного времени для общества в целом*, т.е. трудосбережение, экономию труда, а значит *повышение его производительности*. Только в свободное от работы во имя выживания время человек может реализовать себя как семьянин, художник, спортсмен, ученый... Поэтому справедливо утверждать, что повышение производительности труда есть условие подлинной гуманизации всех сфер жизнедеятельности общества, главное условие процесса расширенного воспроизводства, трактуемого как воспроизводство человека в качестве гармонично развитой личности.

Новая парадигма экономической науки должна, наконец-то, обосновать экономический рост и развитие, преодолев характерную для большинства экономических теорий «нулевого роста» статичность, а также дать возможность анализировать истинную общественную полезность производимых экономических благ, без чего невозможно определить направление бескризисного, устойчивого развития цивилизации.

По нашему глубокому убеждению, наиболее полно соответствует указанным требованиям активно развиваемая рядом российских и белорусских ученых потребительно-стоимостная концепция экономической теории (В. Ельмеев и др.), оценивающая полезность экономических благ экономией живого труда, достигаемой при их использовании [4, 10, 11, 12].

Лежащая в фундаменте названной концепции трудовая теория потребительной стоимости позволяет преодолеть многие из перечисленных выше недостатков когда-либо доминировавших на планете экономических теорий, а именно:

- возвращает экономическую науку на трудовую основу;

- непосредственно нацеливает народное хозяйство на трудосбережение и повышение производительности труда;
- объясняет возникновение большего из меньшего в процессе производственной (трудовой) деятельности и, соответственно, впервые дает возможность обосновать экономическое развитие и НТП, а значит, шанс преодолеть их противоречивость;
- предоставляет в распоряжение ученых методологию объективного измерения потребительной стоимости (полезности) экономических благ, включая инструментарий адекватной оценки полезности достижений НТП;
- ориентирует на реализацию системного, интеграционного экономического эффекта как в пределах национальной экономики, так и в рамках межгосударственных интеграционных типа СНГ, ЕврАзЭС и, прежде всего, Союзного государства, что жизненно важно для обеспечения глобальной конкурентоспособности России, Украины, Белоруссии и других стран бывшего СССР;
- творчески развивает (дополняет) марксистско-ленинскую политэкономия, позволяет преодолеть ее отмеченные выше роковые недостатки (статичность, невозможность объяснения производства и развития, отрицание объективности и возможности измерения потребительной стоимости и др.), что открывает широкие перспективы для обновленного социализма, «вторая волна» которые неумолимо накатывает на планету в XXI веке.

Литература

1. Агапов, В.Е. Экономика: Учеб пособие для вузов по экон. спец. / В.Е. Агапов, А.Г. Грязнова; под общ. ред. А.Г. Грязновой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, изд. политической литературы «Единство», 2001. – 822 с.
2. Адамович, Т.И. Зачем политэконому системная лингвистика? / Т.И. Адамович, В.М. Королев // Новая экономика. – 2007. – №5-6. – С. 47-61.
3. Байнев, В.Ф. Монетарные факторы деиндустриализации / В.М. Байнев // Экономист. – 2009. – №4. – С. 35-46.
4. Байнев, В.Ф. Научно-технический прогресс и устойчивое развитие: теория и практика полезностной (потребительно-стоимостной) оценки эффективности новой техники / В.Ф. Байнев, Е.А. Дадеркина. – Минск: Право и экономика, 2008. – 189 с.
5. Байнев, В.Ф. Переход к инновационной экономике в условиях межгосударственной интеграции: тенденции, проблемы, белорусский опыт / В.Ф. Байнев, В.В. Саевич. – Минск: Право и экономика, 2007. – 180 с.
6. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе / М. Блауг. – М., 1994. – 750 с.
7. Великий Октябрь: прошлое, настоящее, будущее / В.А. Воротилов, В.Я. Ельмеев, И.И. Сигов [и др.]. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – 328 с.
8. Волович, В.Н. О сущности и стратегии российских экономических реформ / В.Н. Волович // Проблемы современной экономики. – 2003. – №3/4. – С. 64-68.
9. Губанов, С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С.С. Губанов // Экономист. – Москва, 2008. – №9. – С. 3-27.
10. Ельмеев, В.Я. Социальная экономия труда: основы общей политической экономии / В.Я. Ельмеев. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 560 с.
11. Ельмеев, В.Я. Теория и практика социального развития: Сб. науч. трудов / В.Я. Ельмеев. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2004. – 400 с.
12. Ельмеев, В.Я. Трудовая теория – основа возрождения политэкономической науки / В.Я. Ельмеев // Новая экономика. – 2006. – № 5-6. – С. 23-31.
13. Коуз, Р. Нобелевская лекция «Институциональная структура производства» (1991). Природа фирмы / Р. Коуз. – М.: Дело, 2001. – 450 с.

14. Кушлин, В.И. Императивы перехода на новую модель экономического развития в России / В.И. Кушлин // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования: Сб. науч. статей 3 Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 19-20 апр. 2007 г. – В 2 ч. – Ч. 1. – Минск: Акад. управл. при Президенте Респ. Беларусь, 2007. – С. 20-25.
15. Лемещенко, П.С. Институциональная экономика / П.С. Лемещенко. – Минск: Бестпринт, 2005. – 315 с.
16. Лемещенко, П.С. Университетское образование в XXI веке: классические основы и новые стратегии / П.С. Лемещенко // Новая экономика. – Минск, 2006. – №3-4. – С. 26-47.
17. Лисин, В.Е. Макроэкономическая теория и политика экономического роста: Учеб. пособие / В.Е. Лисин. – М.: Изд-во «Экономика», 2003. – 320 с.
18. Мизес, Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории / Л. Мизес. – М., 2000. – 850 с.
19. Нуреев, Р. Плоды просвещения (новая российская экономическая наука на пороге III тысячелетия) / Р. Нуреев, Ю. Лагов // Вопросы экономики. – Москва, 2001. – №1. – С. 96-115.
20. Пелих, С.А. Экономическая теория и практика государственного строительства / С.А. Пелих // Новая экономика. – 2006. – №11-12. – С. 26-32.
21. Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: Матер. V Междунар. науч. конф., г. Минск, 21–22 окт. 2004 г. – В 5 т. – Т. 1. – Минск: НИЭИ Минэкономики Респ. Беларусь, 2004. – 583 с.
22. Россия – Беларусь: инновационная политика и интеграционное взаимодействие: монография. – М.: Институт экономики Российской академии наук, 2006. – 268 с.
23. Россия державная / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. – В 2 ч. – Ч. 1. – М., Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. – 472 с.
24. Словарь современной экономической теории Макмиллана / Под общ. ред. Дэвида У. Пирса; пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 608 с.
25. Стиглиц, Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории / Дж. Стиглиц // ЭКОВЕСТ (Экономический вестник). – Минск, 2003. – №3 (Вып. 3). – С. 336-421.
26. Тумилович, М. Формализм, экономическое образование и экономическая наука / М. Тумилович // ЭКОВЕСТ (Экономический вестник). – Минск, 2003. – №1 (Вып. 3). – С. 102-123.
27. Черновалов, А.В. Несостоятельность (банкротство) в институциональной экономике: белорусская модель / А.В. Черновалов. – Минск: Мисанта, 2004. – 331 с.
28. Черновалов, А.В. Теория институтов рынка (антикризисное регулирование): монография / А.В. Черновалов. – Брест: Изд-во БрГУ, 2006. – 177 с.
29. Шумпетер, Й. Теория экономического развития; пер. с нем / Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
30. Экономическая энциклопедия (политическая экономия) / Под ред. А.М. Румянцева. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1979. – 672 с.